

Кризис стратегии «навязанного консенсуса»

Конфликт с Грузией в августе 2008 года обозначил серьезный рубеж в тенденции к сближению России с Западом, преобладавшей с конца 1980-х годов. Хотя, судя по российским официальным заявлениям, в принципиальном плане этот курс под сомнение не ставится, *истощился запас прочности политики «навязанного консенсуса»**, которая около двух десятилетий определяла суть российско-американского взаимодействия и отношений Москвы с НАТО. Если их удастся удержать в конструктивном русле, то лишь при помощи немедленного возобновления диалога между Россией и ее западными партнерами. Его целью должна стать скорейшая выработка правил взаимного поведения при чрезвычайных обстоятельствах, частным случаем которых могут быть с высокой долей вероятности конфликты США или России с третьими странами.

Текущие события усилили сомнение в прочности «однополярного порядка» — даже в его групповой версии, опирающейся на практику «навязанного консенсуса» между ведущими державами. Дело не столько в том, что западные СМИ активно развивают сомнительную по своей убедительности тему «неспособности» США силой отстаивать свое мнение. Думается, такую способность Соединенные Штаты сохраняют. Гораздо важнее другое: до августовских событий 2008 года российские руководители выражали скептицизм в прочности и полезности «однополярного мира»¹, а после — стали открыто говорить об оппозиции ему². Применение силы для пресечения авантюры грузинских властей позволяет предположить,

¹ См. «Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности». Мюнхен, 10.02.2007. — «Официальный сайт Президента Российской Федерации» (<http://www.kremlin.ru>).

² См. «Пресс-конференция по окончании встречи Президента Российской Федерации Д. А. Медведева с Президентом Франции Н. Саркози. Московская область, замок Майендорф, 08.09.2008». — «Официальный сайт Президента Российской Федерации» (<http://www.kremlin.ru>).

БОГАТУРОВ Алексей Демосфенович — проректор МГИМО(У) МИД России, заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН, профессор, доктор политических наук.
ФЕНЕНКО Алексей Валериевич — ведущий научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, доцент факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук.

* Подробный анализ стратегии «навязанного консенсуса» см.: А. Д. Богатуров. Иракский кризис и стратегия «навязанного консенсуса». — «Международная жизнь». 2003. № 3. С. 30—39; он же. Стратегия навязанного консенсуса. — «Независимая газета». 04.02.2003.

что такая оппозиция мыслится теперь возможной в силовых формах. Эти процессы повысили напряженность в отношениях между великими державами и одновременно породили ощущение обратимости обозначившихся в конце 1980-х годов тенденций к глобализации и демократизации международных отношений.

СПРОВОЦИРОВАННЫЙ ПОЛИТИКОЙ грузинского руководства «кризис доверия» в международной политике стал вторым с момента распада СССР. Первым была ситуация конца 1990-х годов, когда Россия и страны НАТО резко разошлись по вопросам применения силы против Сербии в связи с решением западных стран фактически поддержать проект превращения Косова в независимое албанское государство. Однако оба эти кризиса несопоставимы по остроте. В отличие от ситуации на Балканах, конфликт

³ См. «Заявление в связи с ситуацией в Южной Осетии Президента Российской Федерации Д. А. Медведева. Москва, 08.08.2008». — «Официальный сайт Президента Российской Федерации» (<http://www.kremlin.ru>).

вокруг Южной Осетии происходил непосредственно на границах Российской Федерации, и нападение грузинских войск на российских миротворцев в Цхинвале было расценено в Москве как попытка военно-силовой дестабилизации южных границ России³. Угроза национальной безопасности вызвала жесткий силовой ответ Москвы.

При всей значимости региональных аспектов конфликта его глобальная составляющая вызывает гораздо большую озабоченность. И до, и во время, и после конфликта грузинское руководство подчеркивало, что его действия опираются на поддержку США. Администрация Дж. Буша не сделала заявлений, из которых бы явствовало, что Вашингтон не поддерживает военной акции Тбилиси. Американские эксперты, а в косвенной форме и политики, фактически не отрицают, что Белый дом был в курсе наступательных военных планов Грузии, хотя якобы пытался удержать грузинское правительство от их осуществления. Более того, Штаты ока-

⁴ См. «President Bush Discusses Situation in Georgia. 11.08.2008». — «The White House. Official site of the president of the USA» (<http://www.whitehouse.gov>).

зали массивное политическое и дипломатическое давление на Россию в надежде побудить ее отказаться от ответного применения силы против грузинских войск и даже возложить на Москву ответственность за развязывание конфликта⁴.

Если страны ЕС пытались энергично посредничать в прекращении войны, то руководство США вообще не обнаружило желания вести прямой диалог с Россией. Белый дом тем самым и политически, и дипломатически выступил на стороне грузинской власти, а не выбрал позицию «честного брокера».

Это позволяет предположить, что применение Грузией военной силы против российских миротворцев в Южной Осетии, тщательно подготов-

ленное трех-, четырехлетним военно-политическим сотрудничеством Грузии с США, могло быть частью более обширного плана. В сопоставлении с манерой развития в последние годы внешнеполитической линии Вашингтона в Евразии за нападением грузинских войск на Южную Осетию просматривается вероятность своего рода «разведки боем».

Объективно ход конфликта позволил экспертам любых стран получить совершенно не доступную иным путем информацию минимум по нескольким группам вопросов. Во-первых, ситуация позволила судить о наличии или отсутствии у российского руководства политической воли применять силу за пределами своих границ, хотя бы и в непосредственной близости от них. Во-вторых, стала понятней степень прочности военно-политических позиций России на Кавказе. В-третьих, можно было оценить эффективность процесса принятия военно-политических решений в кризисной ситуации. В-четвертых, добавилось определенности в понимании меры уязвимости ВВС России по отношению к американским авиационным или космическим системам наведения, при помощи которых грузинские силы ПВО смогли поразить два российских штурмовика.

Августовские события привели к первой после 1945 года конфронтации военно-морских сил в Черном море, участниками которой были боевые корабли некоторых *неприбрежных* стран НАТО и российского Черноморского флота⁵. По оценкам американских и российских экспертов, существовал высокий риск прямого столкновения российских и американских военных: насколько можно судить, в составе нападавших на Южную Осетию грузинских сил имелись американские инструкторы и военные советники*. Как бы то ни было, но ситуация являла собой наиболее серьезный случай *непрямой* военно-политической конфронтации Москвы и Вашингтона, возможно — с момента войны в Корее в середине прошлого века.

Несомненно, это означало не просто вспышку политических трений, не раз возникавших за последние два десятилетия, а *кризис взаимопонимания и доверия в военной области*. Появились серьезные основания полагать, что в США уже не только теоретически (формально) прорабатываются сценарии ограниченной войны с Россией, но и, вероятно, целенаправленно ведутся соответствующие практические приготовления. Вряд ли, конечно, речь

⁵ См., например: Э. Балтин. Черноморский флот может уничтожить корабли НАТО в Черном море за 20 минут. — «РИА Новости. Москва». 29.08.2008 (<http://www.rian.ru>); J. Hider, T. Halpin. US warship confronts Russian military in «tinderbox» port. — «The Times». 06.09.2008 (<http://www.timesonline.co.uk>).

* «Много ли убитых иностранных граждан среди погибших с грузинской стороны в зоне боевых действий — я затрудняюсь сказать, но чернокожих грузин с паспортами других государств мы там видели», — заявил на пресс-конференции 11 августа 2008 года заместитель начальника Генштаба РФ генерал-полковник А. А. Ноговицын (см. «Генштаб РФ: США помогли Грузии переоборудовать военных из Ирака, но в целом ситуация под контролем». — Интернет-портал NEWSru.com).

идет о полном отказе от логики взаимно гарантированного уничтожения. Но очевидно, что умы аналитиков и практиков снова занимает крайне рискованная идея управляемой эскалации, а ограниченная война с Россией, в том числе с использованием «облегченных» видов ядерного оружия (ЯО), перестает, по-видимому, рассматриваться только как крайнее средство достижения американских целей*.

Концепции «ограниченной ядерной войны» (вооруженной борьбы с применением тактического ЯО) появились в США еще в 1960-е годы в рамках доктрины «гибкого реагирования». Первоначально сценарий такого конфликта предполагал нанесение контрсилowych ударов по ядерным силам противника; впоследствии — поражение его командных пунктов и узлов связи до того момента, когда руководство противоположной стороны успеет принять решение об ответно-встречном ударе. В 1970-е годы в американском и советском стратегическом планировании популярнее становилась идея нанесения ударов исключительно по военным объектам (пусковым установкам, аэродромам), а также объектам промышленности и инфраструктуры, непосредственно связанным с ведением войны (нефтяные предприятия, транспортные пути, железнодорожные узлы, системы связи и т. п.)**. Другие промышленные объекты (угольные производства, электростанции и т. д.), а также города теоретически можно было не разрушать, дав противнику шанс пойти на примирение после первого обмена

ударами. Сегодня в военно-политических концепциях Штатов происходит ренессанс этих доктрин с учетом новейших технологических тенденций. В 1990-е годы американские эксперты широко обсуждали возможность ведения региональной войны с КНР на базе высокоточного оружия⁶. В настоящее время американцы, судя по открытым публикациям, не исключают возможности ограниченного военного столкновения с Россией на постсоветском пространстве⁷.

⁶ См. например: **A. J. Johnston.** China's New «Old Thinking». The Concept of Limited Deterrence. — «International Security». Vol. 20. № 3. (Winter 1995/1996).

⁷ См. **F. W. Engdahl.** The Caucasus — Washington Risks nuclear war by miscalculation. — «War and Peace. Internet Project». 11.08.2008 (<http://www.warandpeace.ru/en/>).

* После распада СССР концепции «ограниченной войны» между Россией и США на полтора десятилетия перестали обсуждаться в открытых публикациях. Поворот в этом направлении произошел только в ходе полемики вокруг развертывания «третьего позиционного района» американской ПРО в Восточной Европе. Весной 2006 года в популярном американском журнале «Foreign Affairs» была опубликована статья о том, что Соединенные Штаты вернули ядерное превосходство и обладают способностью нанесения контрсилowego удара по пусковым установкам России и КНР (см. **K. A. Lieber, D. G. Press.** The Rise of U.S. Nuclear Primacy. — «Foreign Affairs». March/April 2006. Vol 85. № 2). В 2007 году эта проблема стала предметом обсуждения на специально организованных «круглых столах» российских исследователей (см.: «США развяжут войну с Россией». — «Взгляд. Деловая газета. Электронное издание. 19 июля 2007» (<http://www.vz.ru/>); «Что дало России стратегическое партнерство с США? — «Родная газета». 12—18.07.2007. № 21(206).

** Подробнее об этом см.: **L. Freedman.** Deterrence. Cambridge, 2005; **I. Clark.** Limited Nuclear War: Political Theory and War Conventions. Princeton, 1982; См. также: **А. В. Фененко.** Понятие ядерной стабильности в современной политической теории. М., 2006.

Такого рода конфликт вряд ли мыслится в Вашингтоне как лобовое столкновение США с Россией. Скорее речь идет об идеологически, политически и информационно хорошо подготовленном силовом вмешательстве США в возможный спор России с кем-то из ее соседей, настраивание которых против Москвы вот уже 18 лет определяет одно из основных направлений американской внешней политики в Центральной Евразии.

Вероятность этого предположения представляется более высокой, если учесть, что «размалывание» крупных государств Евразии с последующим подчинением возникших слабых стран американскому влиянию еще с начала 1990-х годов стало основным инструментом внешней политики США⁸.

⁸ См. А. Д. Богатуров. Стратегия «перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М., 2004.

С его помощью Штаты снижают для себя «политическую себестоимость» приобретения доступа к ресурсам зарубежных стран, по их мнению, необходимым для продления жизни «американской либеральной империи», как США именуются даже в современной американской литературе.

Судя по содержанию и тону высказываний российского руководства, в Москве начинает преобладать такое мнение: в США не отдают отчета в «цене противостояния» с Россией. Согласно заявлениям американских политиков, в Вашингтоне шокированы жесткостью позиции Москвы, ничего похожего на которую Россия ни разу за последние 25 лет не демонстрировала, покуда конфликты не стали происходить на ее границах и прямо затрагивать ее национальную безопасность.

⁹ См. D. Shambaugh. China Engages Asia: Reshaping the Regional Order. — «International Security». Vol. 29. № 3. (Winter 2004/2005).

Подобная ситуация может в перспективе возникнуть и в американо-китайских отношениях⁹. В последние три-четыре года между США и Китаем возник комплекс противоречий, связанный с сохраняющимся американским военным присутствием в Киргизии, создающейся системой американо-индийского партнерства, сотрудничеством Штатов и Японии в области создания американской системы противоракетной обороны (ПРО) и попытками администрации Дж. Буша поднять на международном уровне вопрос о нарушении прав человека в Тибете. В Пекине подзревают, что американцы увеличивают сеть радиолокационных станций в Евразии с целью слежения за немногочисленными стратегическими ядерными силами КНР. В Вашингтоне опасаются, что начавшийся в 2003 году процесс модернизации ядерного арсенала Китая увеличит его контрсилловые возможности и повысит угрозу военной инфраструктуре США на Тихом океане. Не проясненной остается и ситуация вокруг Тайваня. Представители КНР ставят вопрос о начале реального процесса объединения, в то время как американские дипломаты вновь подтверждают готовность Америки защищать остров в случае попыток Китая решить проблему силой. Продолжение этой тенденции может привести к повторению «ракетного кризиса» 1996 года, когда Вашингтон и Пекин балансировали на грани военного столкновения.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов СССР и Штаты, исходя из накопленного опыта двусторонних отношений, войны во Вьетнаме и советско-китайского противостояния, заключили серию соглашений о предотвращении случайной ядерной войны. Смысл договоренностей таков: исключить прямое столкновение из-за действий третьих стран, в том числе заведомо провокационных. После распада Советского Союза

¹⁰ См., например: С. Тэлботт. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М., 2003. С. 285—288.

американская сторона убедила Россию в контрпродуктивности ссылок на эти соглашения, якобы заключенных в «другую эпоху» и не отражающих реальность нового мироустройства¹⁰. Похоже, это было ошибочное суждение. Москва и Вашингтон должны вступить в консультации для выработки формальных или неформальных, но обязательно эффективных правил поведения в конфликтах с третьими странами, вероятность и риск которых, судя по политике США в последние десять лет, будет возрастать, затрагивая интересы безопасности российских границ. Система биполярной конфронтации имела свои мощные инструменты стабилизации. Новая система, как бы ее ни называли, таких регуляторов не имеет. Оставив споры о ее названии, надо их срочно создавать, используя, если надо, элементы прошлого опыта.

¹¹ См. «Выступление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии. Берлин, 05.06.2008». — «Официальный сайт Президента Российской Федерации» (<http://www.kremlin.ru>).

¹² См. «Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 27.09. 2008». — «Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации» (<http://www.mid.ru>).

Подобные предложения уже начинают просматриваться в российских внешнеполитических инициативах. В ходе визита в Берлин 5 июня 2008 года Президент России Д. А. Медведев предложил заключить новый договор о европейской безопасности, подтверждающий верховенство принципов Устава ООН, проясняющий значение фактора силы во взаимоотношениях между европейскими странами и разрешающий проблемы контроля над вооружениями в Европе¹¹. Выступая на 63-й Генеральной Ассамблее ООН 27 сентября 2008 года, министр иностранных дел России С. В. Лавров призвал все страны мира укрепить Декларацию 1970 года о принципах международного права¹².

Трудно, однако, спрогнозировать, какую реакцию эти предложения вызовут в Вашингтоне. Поиск стабилизирующих механизмов потребует от Белого дома частично пересмотреть политику «навязанного консенсуса» в отношении России, начав переход к более равноправному взаимодействию. Между тем за минувшие 15 лет США привыкли сами определять, на каких условиях им следует выстраивать отношения с тем или иным государством, включая РФ. Психологически американцам будет непросто согласиться даже на частичную ревизию нынешнего международного

порядка*. Сложность политико-психологической ситуации состоит в том, что за годы после распада СССР к власти в США пришло поколение «непуганых политиков», а к избирательным урнам — поколение «непуганых граждан». В отличие американцев времен Карибского кризиса, они не боятся ядерной войны, поскольку им 20 лет внушалась мысль об абсолютном военно-силовом превосходстве Америки, а теперь внушается мысль о возможности достижения ее неуязвимости.

НАРАСТАНИЕ ВОЕННОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ в отношениях между великими державами проходит параллельно с изменением идеологической среды межгосударственных отношений. В политической мысли продолжается *переоценка позитивного восприятия глобализации*. С появлением сетевого терроризма понятие глобализации стало ассоциироваться не столько с «демократизацией по-американски», сколько с активностью криминально-террористических групп, эффективных средств борьбы с которыми недостаточно. Приходит тревожное восприятие глобализации как совокупности неподконтрольных государствам транснациональных процессов, которые угрожают безопасности всех стран¹³.

¹³ См., например: «Development and Globalization 2008: Facts and Figures. United Nations Conference on Trade & Development». N. Y.; Geneva, 2008; **R. Blanpain**. Confronting Globalization: The Quest for a Social Agenda. N. Y., 2008.

Катализатором таких настроений стали известия из Афганистана. Впервые после начала «второй афганской войны» в 2008 году вооруженные силы НАТО стали терпеть поражения в борьбе с «квазиармиями» «Аль-Каиды», талибов и пуштунских племен. Во Франции и Нидерландах начал обсуждаться вопрос о возможности вывода войск из Афганистана. США расширяют свое военное присутствие на афганской территории. Однако добиться крупных военных успехов Пентагону пока не удалось. Созданные под руководством НАТО в 2006 году Группы восстановления провинций Афганистана не смогли установить эффективный контроль над афганской территорией.

Одновременно Вашингтон теряет контроль над ситуацией в соседнем Пакистане, где после ухода президента П. Мушаррафа активизировались радикальные исламисты. С весны 2004 года Соединенные Штаты регулярно проводили боевые операции в Северо-Западном Пакистане, где действова-

* «И до тех пор пока, с одной стороны, американцы выбирают лидеров, которые полагают, что роль Соединенных Штатов состоит в том, чтобы улучшить мир и нести в него “высшее благо”, а с другой — американская мощь во всех ее проявлениях достаточно велика, чтобы определять поведение других стран, общее направление американской внешней политики вряд ли изменится, разве что в будущем какая-нибудь американская администрация вдруг совершит не то что радикальный, а поистине революционный поворот в политике», — писал об этой проблеме летом 2007 года известный американский политолог Роберт Кейган (см. **Р. Кейган**. Конеч иллюзиям: история возвращается. — «Pro et contra». Т. 11. № 6(39). Октябрь — декабрь 2007. С. 22).

ли вытесненные с афганской территории талибы-пуштуны. Но после прихода к власти нового президента Асифа али-Зарадри Исламабад пытается пресечь эту практику. Пакистанский спецназ все чаще оказывает сопротивление Пентагону, включая демонстративные обстрелы американской боевой техники*. Сам Пакистан при этом не способен восстановить контроль над своими северо-западными провинциями: в январе 2008 года пакистанская армия потерпела крупное поражение в Вазиристане, от последствий которого она полностью не оправилась до сих пор. Возникает опасность прорыва талибов-пуштунов в глубь пакистанской территории, где находятся основные ядерные объекты этой страны. В такой ситуации США с большой долей вероятности вмешаются в конфликт для обеспечения охраны пакистанского ядерного арсенала**.

Свертывание миротворческой операции Североатлантического альянса с большой долей вероятности может привести к созданию на части территорий Пакистана и Афганистана радикально-исламисткого квазигосударства, угрожающего дестабилизировать ситуацию и в самом Пакистане, и в странах Центральной Азии. Совокупного ресурса ведущих стран мира недостаточно для победы над отрядами террористических сетей.

Сомнения в позитивном векторе глобального развития усиливает мировой финансовый кризис. Нестабильность ипотечного рынка США спровоцировала банкротство ряда крупных американских банковско-ипотечных и страховых компаний. Отток американского капитала вызвал в свою очередь кризисные тенденции на рынке недвижимости Испании и Великобритании, а затем и России. Падение курсов акций произошло на всех ведущих фондовых рынках, а цены на нефть перешли сначала в режим резких колебаний в диапазоне 100–140–90 долларов за баррель, а затем обнаружили устойчивую тенденцию к падению. События напоминают азиатский кризис 1997–1998 годов. Однако в 2008 году падение акций происходит не на периферии, а в ключевых финансовых и промышленных центрах мира.

Одним из последствий кризиса становится усиление государственного регулирования экономики. В Великобритании, странах Бенилюкса, Германии государственные банки выкупают контрольные пакеты или контрольные квоты акций у проблемных коммерческих банков. В США администрация Дж. Буша подготовила отвергнутый конгрессом законо-

* Один из таких инцидентов произошел, например, 15 сентября 2008 года в Южном Вазиристане: армия Пакистана обстреляла 2 американских вертолета, приземлившихся на пакистанской территории. А 24 сентября 2008 года появились сообщения, что силы ПВО Пакистана сбили американский беспилотный самолет, вторгнувшийся в пакистанское воздушное пространство.

** Подробный разбор этого сценария см.: **Г. Н. Quester.** Nuclear First Strike: Consequences of a Broken Taboo. Baltimore, 2006.

проект, предполагавший выделение 700 миллиардов долларов на выкуп правительством неликвидных банковских активов. В КНР обсуждается вопрос об усилении налоговых отчислений от деятельности компаний-экспортеров ради стимуляции внутреннего рынка. В России правительство В. В. Путина разработало план предоставления Внешэкономбанку до 50 миллиардов долларов из золотовалютных резервов на рефинансирование внешних долгов российских компаний и банков. Эти меры отчасти напоминают «новый курс» Ф. Д. Рузвельта, позволивший преодолеть Великую депрессию 1929—1933 годов за счет расширения государственного вмешательства в экономику и ужесточения контроля над оборотом спекулятивного капитала.

Вопреки популярным в 1990-х годах концепциям «отмирания суверенитета» в мире приходит *возрождение этатизма*. Интерес к нему охватывает не только экономическую сферу. В США он выражается в расширении полномочий спецслужб, ужесточении государственного контроля над деятельностью СМИ, усложнении миграционного законодательства и введении ряда «бытовых» ограничений вроде новых систем охраны аэропортов и вокзалов*. В России этатистские тенденции проявляются в усилении государственного контроля над сферой безопасности, борьбе с коррупцией, а также в ограничении прав частного бизнеса, воссоздании государственного сектора в экономике, регулировании информации, сжатии пространства многопартийности. Все государства «группы восьми» усилили контроль над оборотом расщепляющихся, токсических и биологических материалов, ввели новые правила в сфере экспорта технологий двойного назначения и приняли соглашения о совместном противодействии отмыванию криминальных средств¹⁴. Таким образом, по мере развития процесс глобализации стал не ослаблять, а усиливать полномочия государственных институтов. Это вызвало негативную реакцию у либерально настроенных публицистов, заговоривших о «кризисе глобализации» и зарождении контрглобализационных тенденций¹⁵.

Поведение западных СМИ в ходе августовских событий безоговорочно свидетельствуют о создании в США и ведущих странах ЕС управляемой политической властью мощнейшей системы управления информацией (прежде всего электронной), *позволяющей на длительное время полностью блокировать доступ граждан к сведениям о реальных фактах и явлениях за счет*

¹⁴ См. «Statement by G8 Leaders. The G8 Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction». Kananaskis, 27.06.2002; «G8 Action Plan on Nonproliferation». Sea Island, 09.06.2004; G8 Informational Center. University of Toronto (<http://www.g8.utoronto.ca>).

¹⁵ См., например: **R. Kagan**. The End of the End of History. — «The New Republic. A Journal of Politics and the Art». 23.04.2008 (<http://www.tnr.com>).

* Подробный (хотя и несколько эпатажный) анализ ограничения части демократических свобод в США под воздействием антитеррористической операции см. **A. M. Schlesinger**. War and the American Presidency. N. Y.; L., 2004.

искусственного формирования виртуальной, сугубо манипулятивной, ложной картины действительности, в частности созданной в СМИ ЕС и США по поводу действий Грузии в Южной Осетии.

Роль государств хорошо просматривается в регулировании мировых информационных потоков*. Порядок присвоения доменов и адресов в Интернете определяется коммерческой компанией «Internet Corporation for Assigned Names and Numbers», связанной с правительством США. Однако страны Азии во главе с КНР выступают за передачу Интернета под управление Международного телекоммуникационного союза. Вашингтон в свою очередь требует от стран третьего мира, Китая и России более активной борьбы с производством пиратского софта. Некоторые страны ЕС (прежде всего Швеция) обвинили Москву и Пекин в организации хакерских нападений и ужесточили контроль над поступлением российского и китайского интернет-трафика. В ответ российские и китайские представители заявили о необходимости лишить Тайвань присвоенного ему расширения «.tw» и закрыть сайты проживающих в эмиграции чеченских сепаратистов. Возникает проект раздела информационной сферы между наиболее сильными державами.

В международных отношениях заметны признаки переоценки позиции к самой идее демократии и демократизации. Пятнадцать лет назад американские политологи писали, что глобализация увенчается построением «глобального гражданского общества».

¹⁶ См.: N. Ferguson. Colossus: The Price of America's Empire. N. Y., 2004; C. C. Run. The Ideology of American Empire. — «Orbis». 2003. Vol. 47. № 3.

Десть лет назад на смену им пришли разговоры о «глобальной демократической империи». Сегодня в этой формулировке слово «глобальная» уверенно заменяется словом «американская»¹⁶. Предполагается, что лишь в «американской либеральной империи» может быть гарантировано соблюдение прав граждан. «Демократия по-американски» подменяется «демократией для американцев», стать которыми, правда, приглашают всех «желающих и достойных».

Парадоксальным образом на этом фоне заметен очаговый рост популярности левой и социалистической идеологий. В 1990-х годах распад социалистического Содружества, либерально-демократические реформы в странах Восточной Европы и возрождение института частной собственности в Китае породили прогнозы о маргинализации коммунистической идеи. В конце 2000-х годов в странах третьего мира формируется концепция «ресурсного социализма»: извлечение доходов от торговли полезными ископаемыми для финансирования государством социальных, образова-

Парадоксальным образом на этом фоне заметен очаговый рост популярности левой и социалистической идеологий. В 1990-х годах распад социалистического Содружества, либерально-демократические реформы в странах Восточной Европы и возрождение института частной собственности в Китае породили прогнозы о маргинализации коммунистической идеи. В конце 2000-х годов в странах третьего мира формируется концепция «ресурсного социализма»: извлечение доходов от торговли полезными ископаемыми для финансирования государством социальных, образова-

* Подробный анализ этой проблемы см.: О. Натсак. «Технополитика» Интернета. — «Международные процессы». Январь—апрель 2008. Т. 6. № 1(16) (<http://www.intertrends.ru/sixteenth/007.htm>).

тельных и военных программ. Такая модель предполагает усиление государственного регулирования добычи и экспорта природных ресурсов — вплоть до частичной деприватизации этой сферы. Возрождается конфликт между ресурсодобывающими странами и транснациональными корпорациями (ТНК).

Ярче всего эта тенденция проявилась в Латинской Америке*. С 2006 года ряд латиноамериканских стран провозгласил курс на строительство «социализма XXI века» и предпринял конкретные шаги в этом направлении. Боливия и Венесуэла провели национализацию нефтегазовой сферы. Никарагуа, Эквадор и Парагвай объявили о намерении пересмотреть отношения с иностранными инвесторами. На референдуме 31 июля 2008 года большинство мексиканцев проголосовали против планов приватизации нефтегазовой отрасли. Бразилия разрабатывает государственные программы в области производства этанола, ракетостроения и одновременно блокирует проект расширения полномочий Международной ассоциации тропической древесины. Аргентина после дефолта 2002 года отказалась от проведения политики монетаризма и стала восстанавливать государственный сектор. Возникает перспектива превращения регионального блока «МЕРКОСУР» в союз ресурсодобывающих стран.

Потенциал для развития «ресурсного социализма» присутствует и в других регионах. В нефтедобывающих странах Африки обсуждается возможность национализации нефтегазовой сферы по латиноамериканскому образцу. Государства Центральной Азии выдвинули проекты развития промышленности и транспортной инфраструктуры за счет перераспределения доходов от экспорта углеводородов. В Иране усилилось государственное финансирование таких отраслей, как энергетика, военно-промышленный комплекс и космические исследования. Появится ли в этих странах неосоциалистическая риторика — вопрос открытый. Однако их государственные институты сотрудничают с лояльными иностранными корпорациями и устанавливают барьеры на пути «неблагонадежного» (чаще всего — американского) бизнеса.

В общественном сознании большинства стран мира нарастает ощущение стратегической нестабильности.

Шведские эксперты¹⁷ отметили интересный парадокс.

На протяжении 2003—2008 годов в мире практически не возникали крупные межгосударственные войны. Даже разрекламированная в СМИ военная операция Израиля против «Хезболла» (2006) не превысила «порогового» уровня, необходимого для квалификации ее как полноценной «войны». Но

¹⁷ См. «Определения Упсальской базы данных по конфликтам». — http://www.pcr.uu.se/database/definitions_all.htm

* Интересный анализ этой проблемы см.: J. Riddell. From Marx to Morales: Indigenous Socialism and the Latin Americanization of Marxism. — «Alternatives International». 18.06.2008 (<http://alternatives-international.net>).

в СМИ тиражировались сценарии возможных региональных конфликтов высокой и средней интенсивности: удар США по ядерным объектам Ирана и КНДР, интервенция НАТО в Дарфуре, американская операция по «смене режима» в Сирии, американо-китайский конфликт в Тайванском проливе, российско-украинское столкновение в Крыму, участие корабельной группировки НАТО в конфликте на Черном море. Эти сценарии пока носят виртуальный характер. Но *факт их обсуждения повышает градус военно-политической напряженности, порождая ощущение возможности возникновения крупного военного столкновения.*

Отсюда — новый всплеск геополитической аналитики*. Обсуждаются вопросы о статусе Каспийского моря, принципах раздела Арктики, урегулировании территориальных претензий стран Латинской Америки на Антарктиду, пересмотре (по настоянию США) конвенции Монтрё 1936 года, ограничившей тоннаж иностранных военных кораблей в Черном море. Япония ставит под сомнение статус Охотского моря как моря внутреннего; Китай требует запретить присутствие иностранных военных кораблей в Южнокитайском море. Все вместе это — по сути, скрытая подготовка к схватке за пересмотр Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. На смену концепциям «океанического соуправления» приходят проекты раздела океанов.

Особый дизайн этому процессу придает обострение дискуссий о статусе «непризнанных государств». Признание независимости Косова, Абхазии и Южной Осетии обострило дискуссии о статусе Приднестровья, Нагорного Карабаха и (пока в меньшей степени) Крыма. На территории бывшей Югославии усилились албанские движения в Македонии и Черногории, сербское — в Боснии и Герцеговине, венгерские — в Воеводине с перспективой распространения на Трансильванию и Словакию. Продолжается политический кризис в Бельгии, угрожающий расколом страны на Фландрию и Валлонию. Не до конца проясненным остается статус ряда проблемных регионов Евросоюза: Страны басков (Испания), Шотландии (Великобритания), Корсики (Франция), Каталонии (Испания), Баварии (Германия), Каринтии (Австрия).

Аналогичные проблемы существуют и в Азии. Правительство Пакистана на протяжении четырех лет не может вернуть контроль над мятежной северо-западной провинцией — Вазиристаном, провозгласившей свою независимость в 2006 году. Сформированное под контролем США правительство Ирака почти не владеет ситуацией в Курдистане. В КНР нарастают опасения из-за попыток ряда американских политиков активизировать

* Подробнее см.: А. Г. Дугин. Геополитика постмодерна. М., 2007; Z. Brzezinski. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y., 2007; С. М. Daclon. Geopolitics of Environment, A Wider Approach to the Global Challenges. Italy: Comunità Internazionale, SIOI, 2007.

дискуссии на международном уровне о статусе Тайваня, Синцзяна и Тибета. В Африке сложилась серия непризнанных государств на территории Судана, Чада и Сомали. В Северной Америке открытым остается вопрос о статусе франкоязычной провинции Канады — Квебека. На территории Соединенных Штатов появилась экзотическая проблема индейского племени Лакота, которое 20 декабря 2007 года заявило о разрыве договоров с Вашингтоном и начало консультации о возможности признания в качестве независимого государства со странами Латинской Америки.

Возникает опасность зарождения новой (второй после рубежа 1980-х и 1990-х годов) волны конфликтов «национального самоопределения». В отличие от первой, во многом протекавшей спонтанно, новые конфликты могут быть заранее индуцированы «великими державами» с целью радикального пересмотра государственных границ.

Возвращение геополитики повлекло за собой снижение значимости общих ценностей. Одним из симптомов этого процесса стало обозначившееся с середины 2007 года *нарастание экологического скептицизма**. В первой половине 2000-х борьба с глобальным потеплением рассматривалась как сфера, где узконациональные интересы отходят на второй план перед необходимостью предотвратить общемировую опасность. Теперь «экоцентричная волна сменилась публикациями о коммерческой подоплеке Киотского протокола, использовании экологических стандартов для лоббирования интересов американской и западноевропейской промышленности, попытке использовать тематику «общечеловеческих ресурсов» для решения странами ЕС и США своих ресурсно-энергетических возможностей.

Эксперты заговорили о попытках США затормозить экономическое развитие азиатских стран посредством спекулирования на экологической проблематике¹⁸. Американская общественность требует принудить КНР тщательнее выполнять международные экологические стандарты. В Пекине утверждают: за этими требованиями скрывается желание Соединенных Штатов лишить Китай дешевых источников энергоресурсов — угля и тяжелого мазута.

Под воздействием этих процессов в интеллектуальном дискурсе *нарастает ощущение обратимости некоторых важнейших международно-политических процессов*. До середины 2000-х годов распространение либеральных ценностей и американское силовое превосходство считались «неотчуждаемыми и долгосрочными» факторами мирового развития. Сегодня это ощущение проходит**.

* Детали см.: **B. Lomborg**. Cool it. The Skeptical Environmentalist's Guide to Global Warming. N. Y., 2007.

** Первые сомнения в незыблемости нынешнего вектора развития см. в работе: **J. E. Stiglitz**. Globalization and Its Discontents. N. Y., 2002.

Признание трех «непризнанных государств» доказало, что ревизия границ силой, формально находившаяся под запретом основную часть второй половины XX века, вполне возможна. Неудачи США в Ираке и опасения Вашингтона в отношении распространения противоспутникового оружия породили публикации (скорее всего не достаточно обоснованные) об ослаблении американской военной мощи. Снижение курса доллара, банкротство американских банков и ипотечных компаний дали повод сомневаться в надежности мировой финансовой системы. *Все вместе это создает психологический потенциал для возникновения представлений о возможности резкого изменения базовых параметров современных международных отношений.*

(Окончание следует)

Кризис стратегии «навязанного консенсуса»

К концу 2000-х годов в США несколько неожиданно активизировались дискуссии о кризисе систем контроля над вооружениями. Многие разумные американские эксперты, как и прежде, высказывают обеспокоенность продолжающимся процессом развертывания американской системы ПРО и затянувшейся паузой в российско-американском диалоге о сокращении стратегических вооружений.

Но параллельно на одну из приоритетных позиций вышла проблема *всеобщего ядерного разоружения*, многократно высмеянная американскими, а в 1990-х годах — и российскими журналистами и учеными. В последние два года в Соединенных Штатах набирает силу движение за построение «безъядерного мира», полную ликвидацию ЯО. Пока эти идеи кажутся экзотичными. Но отстаиваемые серьезными американскими экспертами идеи глубокого сокращения стратегических вооружений могут со временем стать основой инициатив Белого дома, поскольку их реализация при определенных обстоятельствах может обеспечить США крупные преимущества.

Идея отказа от оружия массового поражения (ОМП) не нова. В 1925 году в Женеве был подписан Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Этот запрет соблюдался в основном в годы Второй мировой войны. В 1993 году в Париже была подписана Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении. Она находится в стадии исполнения.

В середине 1940-х годов СССР и США дискутировали в ООН об уничтожении атомных боезарядов и постановке под международный контроль замкнутого ядерного топливного цикла. В 1968 году неядерные страны

БОГАТУРОВ Алексей Демосфенович — проректор МГИМО(У) МИД России, заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН, профессор, доктор политических наук.
ФЕНЕНКО Алексей Валериевич — ведущий научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН, доцент факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук.

Окончание. Начало см. Свободная мысль. 2008. № 11.

добились появления в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) статьи VI, обязавшей ядерные державы стремиться к полному запрету ядерных вооружений. В 1970-х и 1980-х годах несколько предложений о полной ликвидации ЯО выдвигал Советский Союз. В Вашингтоне, однако, опасались, что с помощью полной ликвидации ядерного оружия СССР хочет закрепить свое превосходство в обычных вооружениях, и советские инициативы были отвергнуты.

Современное «движение за безъядерный мир» возникло 4 января 2007 года. Американская газета «Wall Street Journal» опубликовала статью «Мир без ядерного оружия»*. Ее авторы — бывшие госсекретари США Г. Киссинджер и Дж. Шульц, бывший министр обороны У. Пери и бывший председатель сенатского Комитета по вооруженным силам С. Нанн — призывали «великие державы» начать процесс полной и необратимой ликвидации ядерных вооружений. Необходимость ядерного разоружения связана, по их мнению, с появлением новых угроз распространения ядерного оружия, его использования в ходе региональных конфликтов и попадания ядерных боезарядов в руки террористов. Авторы статьи не ограничились призывами к разоружению. Они предложили проекты промежуточных межгосударственных соглашений — «Дорожную карту движения к безъядерному миру».

Авторы считали ликвидацию ЯО возможной, если все ядерные державы:

— изменят принципы боевого дежурства стратегических ядерных сил и переведут носители ЯО в режим, требующий несколько часов для их подготовки к пуску;

— уничтожат тактическое ЯО и радикально сократят стратегические ядерные арсеналы;

— ратифицируют подписанный в 1996 году Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний всеми странами;

— подпишут Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях;

— повысят безопасность систем хранения ЯО и расщепляющихся материалов (прежде всего оружейного плутония и высокообогащенного урана);

— перестанут использовать плутоний, образующийся в исследовательских и энергетических реакторах;

— установят международный контроль над замкнутым ядерным топливным циклом (ЗЯТЦ);

— разрешат региональные конфликты и противоречия, которые создают предпосылки для создания ЯО новыми субъектами.

---

* На русском языке текст этой статьи см. Дж. П. Шульц, У. Дж. Пери, Г. Киссинджер, С. Нанн. Мир без ядерного оружия. — Портал ИноСМИ.Ru 08.01.2007 (<http://www.inosmi.ru/>).

В Гарвардском университете запущен проект по проблемам полной ликвидации ядерного оружия, руководителем которого стал С. Нанн*. Осенью 2008 года аналогичный проект начнет Международный институт безопасности. Движение за безъядерный мир основали 74 американские организации, а представители Фонда мирного ядерного века собирают подписи в поддержку идеи всеобщего ядерного разоружения. Публикации о возможности полной ликвидации ядерных вооружений стоят на сайтах Института Гувера и Фонда Карнеги, Института Брукингса и Ассоциации контроля над вооружениями. Обсуждается проведение обобщающей конференции, объединяющей эти разрозненные проекты.

Наибольший интерес вызвала Международная конференция по проблемам всеобщего ядерного разоружения в Осло 26–27 февраля 2008 года¹. Формально ее организаторами были Гарвардский университет и Институт Гувера. Однако в ее работе приняли участие делегации 128 государств, среди которых были министр иностранных дел Норвегии Г. Стор и директор МАГАТЭ М. аль-Барадеи. Эксперты расценили конференцию в Осло как репетицию международной конференции в поддержку всеобщего ядерного разоружения.

Проблема «безъядерного мира» обсуждалась и в ходе президентской кампании 2008 года. Выступая в Университете Де-Пол (Чикаго) 2 октября 2007 года сенатор-демократ, будущий избранный президент США Б. Обама заявил, что первоочередным шагом на пути к «безъядерному миру» должно стать подписание Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях². Не чужд «безъядерным идеям» был и кандидат от Республиканской партии сенатор Дж. Маккейн: среди его консультантов числятся основатели «безъядерного проекта» Г. Киссинджер и Дж. Шульц.

«План Маккейна», озвученный во время его выступления 27 мая 2008 года в Денверском университете (штат Северная Дакота)³, предполагает следующие шаги:

- ликвидацию тактического ядерного оружия;
- подписание нового договора о сокращении стратегических наступательных вооружений;
- обеспечение повсеместной ратификации Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ);

* См. официальный сайт проекта «Nuclear Security Project» — <http://www.nuclearsecurityproject.org>. О задачах проекта подробнее см.: S. Nunn. Co-Chairman of the Nuclear Threat Initiative «The Mountaintop: A World Free of Nuclear Weapons». Council on Foreign Relations. 14.06.2007. — «Nuclear Security Project. Project of Harvard University» (<http://www.nuclearsecurityproject.org/>).

¹ См. «Achieving the Vision of the World Free of the Nuclear Weapons. International Conference on Nuclear Disarmament». Oslo. 26–27.02.2008. — <http://disarmament.nrpa.no/>

² См. «Barack Obama's Foreign Policy Speech. Published 02.10.2007». — Council Foreign Relations. Official Site (<http://www.cfr.org/>).

³ См. «Remarks by John McCain on Nuclear Security». 27.05.2007. — <http://www.johnmccain.com>

— придание глобального статуса российско-американскому Договору

⁴ См. А. Г. Арбагов. Россия и США — пора выходить из стратегического тупика. Московский центр Карнеги. Брифинг. Т. 10. Вып. 3. Июнь 2008. Эл. версия (<http://www.carnegie.ru>).

о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 года.

Российские и американские эксперты заговорили о возможной реанимации разработанного в 1997 году проекта российско-американского Договора СНВ-3⁴.

Документ предполагал снижение боеготовности российских и американских стратегических ядерных сил и сокращение ядерных боезарядов до 1500 блоков с каждой стороны.

Американское экспертное сообщество популяризирует опыт стран, добровольно отказавшихся от ядерного оружия. В 1990-е годы фаворитом в этом отношении была Южно-Африканская Республика, уничтожившая в 1991 году шесть готовых атомных боезарядов под контролем МАГАТЭ. В 2007 году «мода на ЮАР» сменилась «модой на Казахстан». Еще в 1995 году Алма-Ата передала России находящееся на казахстанской территории советское ядерное оружие. В дальнейшем Астана закрыла ядерный полигон в Семипалатинске и добилась подписания 8 сентября 2006 года Договора о создании безъядерной зоны в Центральной Азии. В связи с этим 29 августа 2007 года американский университет «Нова» вручил президенту Казахстана Н. Назарбаеву премию мира за большой вклад

⁵ См. «Пример ядерного разоружения Казахстана — в фокусе внимания». — «Новостной портал. Kazinform». 04.03.2008 (<http://www.inform.kz>).

⁶ См. «Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на дебатах 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН». Нью-Йорк. 25.09.2007. — «Официальный сайт Президента Казахстана» (<http://www.akorda.kz>).

⁷ См. «Sarkozy defends France's nuclear arsenal». — «International Herald Tribune». 21.03.2008 (<http://www.iht.com>).

⁸ См. «Нидерланды предлагают сдать». — «Взгляд. Деловая газета». Электронное издание. 31.03.2008 (<http://www.vz.ru>).

⁹ См. «Start worrying and learn to ditch the bomb. Letter to The Times by Douglas Hurd, Malcolm Rifkind, David Owen and George Robertson». — «The Times». 30.06.2008 (www.timesonline.co.uk).

в процесс ядерного разоружения. Столь же позитивно опыт Астаны оценили основатели «безъядерного проекта» С. Нанн и Дж. Шульц⁵.

Рост «антиядерного движения» в США вызвал позитивный отклик в других странах. На Генеральной Ассамблее ООН (25.09.2007) президент Казахстана Н. Назарбаев призвал великие державы принять конкретные меры к всеобщему ядерному разоружению⁶. Президент Франции Н. Саркози 21 марта 2008 года призвал все страны полностью запретить ракеты средней дальности класса «земля—земля» и прекратить производство расщепляющихся материалов в военных целях⁷. Министр иностранных дел Нидерландов М. Ферхахен 31 марта 2008 года призвал ядерные державы полностью ликвидировать ЯО и усилить контроль над оборотом технологий ядерного топливного цикла⁸. В поддержку проекта всеобщего ядерного разоружения 30 июня 2008 года выступил ряд крупных государственных деятелей Великобритании: бывшие министры иностранных дел Великобритании М. Рифкинд и лорд Д. Оуэн, а также бывший генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон⁹.

О своей поддержке проекта всеобщего ядерного разоружения заявили также министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер и министр иностранных дел Австралии К. Рудд¹⁰. Дискуссии о сокращении ядерных арсеналов могут начаться в Группе ядерного планирования НАТО.

В общественном мнении стран Атлантического сообщества меняется отношение к ядерному оружию. В годы «холодной войны» ядерные арсеналы воспринимались в США и странах Западной Европы как средство, позволяющее уравновесить превосходство в обычных вооружениях стран Организации Варшавского договора. Теперь ЯО видится оружием сдерживания самих стран НАТО от осуществления полноценного лидерства в военной области. В таком контексте проекты создания «безъядерного мира» можно рассматривать как попытку закрепить превосходство США в области обычных вооружений.

Для России дискуссии о «всеобщем ядерном разоружении» могут означать попытку Соединенных Штатов отойти от логики взаимного гарантированного уничтожения. *Глубокое сокращение стратегических ядерных сил может воссоздать ситуацию 1950-х годов, когда СССР и США рассматривали возникновение глобального военного конфликта как реалистический сценарий.* Попытки реализации проекта «безъядерного мира» вписываются, таким образом, в общий тренд на изменение базовых параметров сложившегося миропорядка. Полный отказ от ядерного оружия теоретически сделает возможным ведение войн на основе конвенциональных (прежде всего высокоточных) вооружений. В перспективе это может породить соблазн изменить границы с помощью военного конфликта высокой степени интенсивности, в котором один из противников не будет опасаться нанесения ему в ответ на агрессию заведомо неприемлемого ущерба.

Дискуссия о «безъядерном мире» может быть увязана американскими представителями с инициативами по усилению международного контроля над технологиями ядерного топливного цикла. Предложения усилить ДНЯО дополнительными соглашениями были выдвинуты администрацией Дж. Буша в 2002–2004 годах и в целом нашли поддержку у всех участников «группы восьми». Но Вашингтон может стремиться не только укрепить режим нераспространения, но и ограничить технические возможности ядерных держав по производству ядерных вооружений.

Российские аналитики уже высказывали опасения по поводу создания американской стратегией контрраспространения прецедентов принудительного изъятия ОМП у «потенциально опасных» с точки зрения Вашингтона держав. Объектами ее применения пока выступают формальные (КНДР) или формально-потенциальные (Иран) нарушители ДНЯО. В слу-

¹⁰ См. F.-W. Steinmeier. A new world order and transatlantic relations. Speech at the Conference on Transatlantic Relations. Berlin on 4 July 2008. — <http://www.auswaertiges-amt.de>; K. Rudd. Building a Better World Together. Speech at Kyoto University on 9 June 2008. — <http://www.nuclearsecurityproject.org>

чае принятия решений о ликвидации ЯО или глубокого сокращения стратегических ядерных сил количество потенциальных «нарушителей» может расширяться. Трудно сказать, до каких пределов США будут готовы пойти в разоружении до «опасных» режимов.

¹¹ См., например: J. C. Moltz. *The Politics of Space Security: Strategic Restraint and the Pursuit of National Interests*. Stanford, Stanford University Press, 2008; J. J. Freese. *Space as a Strategic Asset*. N. Y., Columbia University Press, 2007.

ОДНОЙ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ международной безопасности стал вопрос о предотвращении милитаризации космического пространства¹¹. Во-первых, ряд новых государств стал проявлять интерес к развитию пилотируемой и непилотируемой космонавтики. Во-вторых, у некоторых стран появились проекты создания систем глобальной спутниковой навигации и связи. В-третьих, в Вашингтоне заговорили о необходимости вывести в космос средства защиты американской орбитальной группировки. В-четвертых, возобновились прерванные в конце 1960-х годов дискуссии о возможности правового передела космического пространства. Эксперты обсуждают опасность наступления «космического хаоса»¹².

¹² См. W. Detlev. *Common Security in Outer Space and International Law*. Geneva, United Nations Publications, 2006.

Первые годы XXI века были временем безоговорочного преобладания Соединенных Штатов в космосе.

Основой американского космического превосходства выступали:

- наличие самого крупного в мире бюджета космических исследований;
- осуществление уникальной программы запуска космических кораблей многократного использования;
- выведение на орбиту самой большой в мире спутниковой группировки;
- создание системы глобального позиционирования (Global Positional System — GPS);
- управление вооруженными силами посредством GPS;
- финансирование большей части работ по созданию международной космической станции;
- обслуживание основного сегмента рынка мобильной связи и спутникового телевидения.

Россия, страны ЕС, Япония могли опережать США в реализации отдельных космических проектов. Однако по количеству орбитальных аппаратов и объему решаемых ими задач превосходство Вашингтона в космосе после распада СССР было неоспоримым. Во второй половине 2000-х годов ситуация стала меняться. Появился ряд государств, претендующих на проведение самостоятельной космической политики.

Заметным событием стало возрождение в России перспективных космических программ. В 2007 году после многолетнего перерыва Москва возобновила работы по завершению строительства унаследованного от СССР проекта создания Глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС). К 2010 году Россия планирует вывести на орбиту 18 новых спутников, доведя их число до 24 аппаратов (6 из них уже действуют на постоянной основе). В декабре 2007 году в продажу поступили спутниковые навигаторы «GloSPACE», рассчитанные на ГЛОНАСС. После окончания конфликта в Южной Осетии темпы вывода российских спутников в космос ускорились. В случае успешного развертывания ГЛОНАСС Россия получит возможность активнее использовать космические системы связи как в военных, так и в коммерческих целях. Россия сможет (1) создавать системы навигации и связи, действующие на основе спутниковых сигналов, и (2) наводить на цели крылатые ракеты с помощью орбитальной группировки. Для США это чревато потерей монополии на производство полноценного высокоточного оружия, действующего на основе спутниковых систем наведения.

Другим претендентом на развертывание собственной орбитальной группировки считается Китай. Еще в 2003 году Пекин запустил в космос первый пилотируемый космический корабль «Шэньжоу-5». В 2007 году последовал запуск китайского спутника «Чангэ-1», направленного для изучения Луны. В перспективе Китай намерен расширить локальную систему спутниковой навигации «Бэйдоу», включив в нее два новых аппарата. Но главное событие произошло 11 января 2007 года, когда Пекин с помощью баллистической ракеты сбил собственный исследовательский спутник. Это вызвало резонанс в военно-политической сфере¹³.

¹³ См. J. Macartney, R. Beeston, T. Reid. China tries to reassure the world on space missile «aimed at peace». — «The Times». 20.01.2007 (<http://www.timesonline.co.uk>).

Прежде создать противоспутниковое оружие могли только Россия и США.

Глобальную систему спутниковой навигации пытается создать и Евросоюз. Вступление в действие разработанной Европейским космическим агентством системы «Галилео» ожидается в 2009 году. В настоящее время она очень зависит от России и США: компоненты для «Галилео» доставляются на орбиту российскими ракетносителями, а их сигналы будут обрабатывать усовершенствованные приемники GPS. Но в будущем «Галилео» должна включать 27 операционных и 3 резервных спутника стран ЕС, дополненных двумя центрами управления и глобальной сетью передающих и принимающих станций. Это позволит государствам Евросоюза конкурировать с Америкой на рынке космической связи и телекоммуникаций, а в перспективе — создать свои образцы высокоточного оружия (что теоретически повысит независимость создающихся вооруженных сил ЕС о военной инфраструктуры НАТО). Пользоваться услугами систем

«Галилео» смогут Китай, Израиль, Южная Корея, Украина и Россия. Интерес к ней проявляют Аргентина и Бразилия, Чили и Австралия, Малайзия и Индия. В будущем эти страны, возможно, смогут расширить свои космические исследования через взаимодействие с Европейским космическим агентством.

Интерес к космическим исследованиям проявляет также Индия. Успехи индийской космической программы очевидны. В 2001 году Дели при поддержке России с трудом вывел в космос трехступенчатый ракетоноситель GSLV. В 2008 году Индия уже поддерживает на полярных орбитах семь собственных спутников Земли. Индийское правительство решило вывести в космос 11 новых аппаратов дистанционного зондирования. В перспективе их могут дополнить спутники с гиперспектральной камерой, лунные зонды, космические радары и оптические аппараты. Нельзя исключить, что Индия вслед за КНР пожелает обзавестись собственными противоспутниковыми системами.

Наибольшее беспокойство у США вызывает космическая программа Ирана. Тегеран с помощью России 28 октября 2005 года впервые вывел на орбиту исследовательский спутник «Синах-1». В дальнейшем администрация М. Ахмадинежада заявила о намерении создать пилотируемый космический корабль и космическую лабораторию. Иран объявил 17 августа 2008 года, что успешно испытал ракету-носитель «Посланник надежды» и вывел на околоземную орбиту макет первого иранского спутника. Китайская ракета-носитель 7 сентября 2008 года вывела в космос исследовательский спутник, созданный совместными усилиями Ирана, Китая и Таиланда. В Вашингтоне опасаются, что через несколько лет Тегеран тоже сможет сбивать космические спутники, в том числе орбитальные аппараты США. Сможет ли и в этом случае Америка угрожать Ирану нанесением избирательных ударов?

Помимо России, Китая, Индии и ЕС существуют и кандидаты «второго эшелона». Австралия и Аргентина, Великобритания и Германия, Индонезия и Израиль, Италия, Испания, Южная Корея, Малайзия и Пакистан разрабатывают программы развития непилотируемой космонавтики. Канада и Бразилия, Украина и Казахстан создали национальные космические агентства. Япония, чья система метеорологических спутников признана одной из лучших в мире, запустила в 2007 году автоматический космический аппарат «Кагуйя» для аэрофотосъемки Луны и начала разрабатывать проекты ракетоносителей на основе сжиженного природного газа.

Сложный комплекс проблем возникает в связи с попытками бизнес-структур организовать коммерческие полеты в космос. Еще в 2003 году американская компания «Scaled Composites LLC» изготовила пилотируемый суборбитальный космический корабль многоразового использова-

ния «Space Ship One». В 2004 году состоялся его успешный суборбитальный полет. Это изобретение открыло возможности перед космическим туризмом. Но суборбитальные космические аппараты — менее сложные, чем все известные до сих пор космические системы. Распространение подобных проектов может стать толчком для развития космических программ стран третьего мира.

Развитие суборбитальных космических аппаратов дает крупным аэрокосмическим компаниям надежду на проведение собственных исследований. В настоящее время программы космического туризма осуществляют две компании: российский «Роскосмос» и американская «Space Adventures». Но если российская компания контролируется государством, то американская разрабатывает собственные коммерческие проекты. В ближайшие годы «Space Adventures» планирует построить космодром в Объединенных Арабских Эмиратах и создать с помощью российских специалистов небольшие космические корабли. Нельзя исключать, что в будущем некоторые международные компании будут использовать собственные космические аппараты и имеющиеся частные космодромы. Отсюда — опасения американских аналитиков перед угрозой совершения терактов с использованием суборбитальных космических аппаратов.

Под воздействием этих сдвигов космическая стратегия США стала меняться. До конца 2005 года американцы говорили преимущественно о наращивании своей орбитальной группировки или о выводе в космос боевых ударных систем. В последние полтора-два года Вашингтон стал делать упор на защите космических активов. Белый дом утвердил в 31 августа 2006 года Новую космическую политику США¹⁴, предполагавшую увеличение орбитальной группировки и расширение космического компонента в структуре системы противоракетной обороны. Администрация Дж. Буша 23 января 2007 года одобрила новую редакцию разработанного в ноябре 2006 года документа «Космические операции» (Space Operations)¹⁵. Конгресс США выделил 10 ноября 2007 года более 100 миллионов долларов на финансирование программ по защите американской группировки военных спутников от возможного удара противника. В докладе бюджетного управления конгресса США (март 2008 года) сообщалось, что в рамках создания системы ПРО Пентагон планирует использовать «космическую экспериментальную платформу».

Проекты орбитальных боевых комплексов были разработаны еще в 1980-х годах. Однако США не привели реальных испытаний этих систем. В связи с этим большие сомнения вызывает наличие необходимого научно-технического задела для реализации таких экзотических военно-

¹⁴ См. «National Space Policy, 2006». — «SpaceRef — Space News as it Happens. Official site» (<http://www.spaceref.com>).

¹⁵ См. «Space operations. Air Force Doctrine Document 2—2. 27 November 2006». — «Federation of America Scientists» (http://www.fas.org/irp/doddir/usaf/afdd2_2.pdf).

космических проектов, как, например, вывод в космос боевых лазеров или создание маневренных спутников, способных уничтожать космические корабли противника. Это напоминает Стратегическую оборонную инициативу Р. Рейгана, работы над которой были свернуты в 1986 году из-за отсутствия необходимого инженерно-технического решения ряда ее компонентов. Вместе с тем 21 февраля 2008 года американская противоракета «SM-3» поразила на высоте 247 километров американский разведывательный спутник «USA-193». Этот факт доказал готовность Америки разрабатывать новые образцы противоспутникового оружия.

Но наращивание космической группировки — видимая часть айсберга. В Белом доме подумывают над изменением базовых принципов использования космического пространства. Еще в 1967 году СССР, Великобритания и США подписали Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства (Договор о Луне). Этот документ запретил вывод на орбиту, размещение в космосе и установку на небесных телах объектов с ядерным оружием или другими видами ОМП, а также провозгласил, что Луна и другие небесные тела могут использоваться только в мирных целях. Однако в этом документе содержался ряд неточностей, и «великие державы» могли обходить ряд его принципиальных положений. Возможно, США вспомнят о них в случае возобновления гонки космических вооружений.

До настоящего времени в международном праве отсутствует общепринятое определение космоса. Договор о Луне не дает четкого определения космического пространства, и потому еще в 1966 году Генеральная Ассамблея ООН поручила Комитету по мирному использованию космоса изучить варианты определения космического пространства. Большинство членов комитета, включая РФ, приняли определение Международного агентства по авионавтике, которое установило границу между воздушным и космическим пространством на высоте прохождения минимальной орбиты космического аппарата — 100 километров над уровнем моря. Однако США придерживаются «функционального» подхода. В соответствии с ним нет необходимости четко устанавливать границу между двумя пространствами: лучше различать авиационную и космическую деятельность в зависимости от типа используемого аппарата. Это открывает возможности для вывода в космос ударных боевых систем, которые Пентагон может замаскировать под «авиационные аппараты для верхних слоев атмосферы».

Задел для использования этого правового казуса у Вашингтона уже имеется. С 1991 года США разрабатывают проект тактических противоракетных комплексов с характерным названием «THAAD» (Theater High Altitude Area Defense). Американцы официально именуют его комплек-

сом мобильного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата. Но высота перехвата составляла 150 километров, что по международному определению уже подпадает под определение космического пространства. Именно так и квалифицировал этот комплекс Китай, еще в конце 1994 году высказавший протест против планов развертывания систем «ТНААД» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вашингтон же, ссылаясь на свое определение космоса, доказывал, что речь идет о создании «очень высотных зениток». Острота дискуссий вокруг ТНААД к концу 1990-х спала. Но все же эти споры немало подпортили американо-китайские отношения, став одной из причин ракетного кризиса вокруг Тайваня 1996 года. Вполне возможно, что в будущем Вашингтон пойдет по тому же пути, выдавая суборбитальные перехватчики за «высоковооздушные системы».

Не менее важна проблема статуса геостационарной орбиты Земли (круговая орбита на высоте около 35 870 километров, где плоскость орбиты спутника параллельна плоскости экватора Земли). Россия утверждает, будто эта орбита — часть космического пространства и на нее распространяются положения Договора о Луне 1967 года. С таким подходом не согласно большинство экваториальных стран, еще в 1976 году провозгласивших распространение национального суверенитета на соответствующие участки этой орбиты¹⁶. Ясность в этот спор могла бы внести твердая позиция США. Но Вашингтон предпочитает не вмешиваться. Ведь передел геостационарной орбиты Земли может стать поводом милитаризации космического пространства под предлогом защиты американских космических аппаратов от посягательств со стороны экваториальных стран.

Особая коллизия складывается вокруг подписанного в 1979 году соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Договор провозглашает мирное использование небесных тел, равенство прав всех государств на исследование планет и астероидов и недопустимость претензий со стороны любого государства своего суверенитета на какое-либо небесное тело. Но соглашение вступило в силу только для нескольких государств. Россия не ратифицировала его из-за отказа стран ЕС, США и Японии считать Луну и другие космические тела общим наследием человечества. Соединенные Штаты — из-за непризнания «общемирового» статуса Луны. Теоретически здесь заложено противоречие с Договором о Луне (1967): в рамках этого документа США признают международный статус небесных тел. В связи с этим в Вашингтоне заговорили о возможности вывода в космос ударных боевых систем.

¹⁶ См. А. В. Крутских. Космос в политическом измерении. — «Международные процессы». 2007. Т. 5. № 2(14). Май—август. С. 17—26.

В этой линии хорошо стремление США не подписывать никаких новых соглашений по космосу. В 2000 году на сессии юридического подкомитета Комитета ООН по космосу Россия поставила вопрос о принятии универсальной конвенции по космическому праву. Российские предложения поддержали Иран и Китай. Но делегация Штатов не согласилась с этой идеей. Формально Вашингтон мотивировал это опасением, как бы новый договор не поставит под сомнение действенность Договора о Луне. Фактически

¹⁷ См. «Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применении силы или угрозы силой в отношении космических объектов. Проект». — «Permanent Mission of Russian Federation and the other International Organizations in Geneva. Official site» (<http://www.geneva.mid.ru>).

США в 2001 году заявили о намерении сохранить свободу действия в космическом пространстве. Рассмотрение вопроса было отложено на неопределенный срок.

Похожая ситуация повторилась и с Договором о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. В августе 2007 года Москва и Пекин представили Комитету ООН по космосу проект нового договора¹⁷. Документ предусматривал запрет на размещение оружия любого вида в космическом пространстве, применение силы или угрозы силой в отношении космических объектов. Одновременно проект был призван устранить существующие пробелы в международном космическом праве, в частности вводя жесткое разграничение между воздушным и космическим пространством. Но 5 февраля 2008 года Госдепартамент США представил свои замечания к договору, которые, по сути, были отказом от первоначальной концепции этого документа. Подписание «страховочного» договора, запланированное на Международной конференции ООН по разоружению 12 февраля 2008 года, было отложено на неопределенный срок.

К концу первого десятилетия XXI века проблема предотвращения милитаризации космического пространства стала одним из ключевых вопросов международных отношений. Увеличение числа космических субъектов породило в Соединенных Штатах угрозу утраты позиций в космическом пространстве. Вашингтон объявил о намерении запустить серию перспективных военно-космических проектов, призванных закрепить американское превосходство в космической сфере. Это привело к архаизации космических отношений. В 2008 году «великие державы» вновь обсуждали вопросы вывода в космос ударных боевых систем и определения космического пространства, которые, казалось, были закрыты по условиям международных соглашений конца 1960-х годов. Возникает опасность начала нового тура гонки вооружений в космосе, который потребует от России, КНР, Индии и, возможно, стран ЕС резкого увеличения расходов на оборону. В противном случае успехи военно-космической программы США могут привести к девальвации стратегических потенциалов этих государств.

В таких условиях перед Россией стоит важная дипломатическая задача: упрочить существующие режимы использования космическим пространством. Во-первых, важно сохранить Договор о Луне и другие международно-правовые документы, подтверждающие невозможность распространения национального суверенитета на небесные тела. Во-вторых, следует ускорить работы по разработке в рамках ООН универсального определения космического пространства. В-третьих, уместно провести международно-правовую конференцию по вопросу о статусе геостационарной орбиты Земли. В-четвертых, следует сохранить сотрудничество с Америкой по вопросам эксплуатации Международной космической станции и реализации обновленной лунной программы. В-пятых, России и КНР необходимо вернуться к дискуссиям в ООН по проблемам подписания Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. К этой работе важно привлечь ближайших союзников США по НАТО, которые, возможно, окажут определенный воздействующий эффект на Вашингтон. В противном случае перед Россией встанет вопрос о прекращении действующего с 1983 года моратория на испытание противоспутникового оружия. Это приведет к возникновению одного из самых серьезных вызовов международной системе безопасности XXI века.

Год 2008 прошел под знаком дискуссий о кризисе глобализации. Тому на первый взгляд было немало оснований. Мировой финансовый кризис возродил интерес к концепциям государственного регулирования экономики. Глобальное информационное пространство стало распадаться на серию «электронных секторов», подконтрольных отдельным государствам. Риторика «общечеловеческих ценностей» стала стремительно уступать место возрождающимся геополитическим доктринам. На смену проектам совместного освоения космоса стала приходить новая гонка космических вооружений. Борьба с «новыми вызовами» трансформировалась в традиционное межгосударственное соперничество на обширных пространствах Евразии, Африки и Латинской Америки. Противостояние однополярности — даже в ее «плюралистической» форме — стало приобретать не только дипломатические, но и экономические, и силовые формы. Повысилась опасность возникновения межгосударственных конфликтов высокой степени интенсивности. Под сомнение был поставлен базовый принцип глобализации — представления о принципиальном единстве и взаимозависимости современного мира.

Эти тенденции пока не подорвали превосходство США в экономической, политической и военной сферах. Однако способность Вашингтона влиять на поведение других субъектов резко снизилась. Ряд держав — от

России и Китая до Венесуэлы и Турции — почувствовал возникновение возможности пересмотреть некоторые условия сформировавшейся в начале 1990-х американской политики «навязанного консенсуса». Эта тенденция может в перспективе породить сомнения большого числа стран в способности Америки эффективно осуществлять свои лидерские функции. Попытаются ли американцы предотвратить ее развитие мирными средствами, или будущая администрация Соединенных Штатов решит, что для сохранения стратегии «навязанного консенсуса» можно пойти на более широкое, чем в Югославии и Ираке, применение силы? От ответа на этот вопрос зависит вектор развития мировой политики на ближайшие десятилетия.

